

*И. И. Докучаев**

**КОНСТАНТИН БАКРАДЗЕ
О «ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ:
ПРОБЛЕМА БЫТИЯ УНИВЕРСАЛИЙ И ОЧЕВИДНОСТИ**

В статье рассмотрена критика, осуществленная К. С. Бакрадзе по отношению к ключевым принципам дескриптивной феноменологии Э. Гуссерля, изложенным в его работе «Логические исследования». Основная проблема, вокруг которой разворачивается полемика, это вопрос о существовании универсалий и их природе. Согласно Э. Гуссерлю, универсалии существуют в особом идеальном мире, они не зависят в своем бытии и в своей природе ни от познания субъекта, ни от свойств объекта. Согласно К. С. Бакрадзе, универсалии зависят почти полностью от свойств объекта и формируются субъектом в ходе познания объекта. Ни та, ни другая точка зрения не представляются полностью обоснованными, что следует из самой аргументации и комментариев К. С. Бакрадзе. Автором статьи делается предположение о том, что всякое знание, характеризующее весь объем опыта или такие универсалии, которые вообще не связаны с опытом, обладает антиномическим характером, т. е. об их природе и онтологическом статусе нельзя сформулировать определенного тезиса, но только противоречащие суждения.

Ключевые слова: универсалии, феноменология, Э. Гуссерль, К. С. Бакрадзе, очевидность, истина, сознание, объективный мир, абсолютное

I. I. Dokuchaev

*KONSTANTIN BAKRADZE ABOUT THE "LOGICAL INVESTIGATIONS"
BY EDMUND HUSSERL: THE PROBLEM OF BEING UNIVERSALS AND EVIDENCE*

The article discusses the criticism carried out by K. S. Bakradze in relation to the key principles of the descriptive phenomenology of E. Husserl, set forth in his work "Logical Investigations". The main problem around which the controversy unfolds is the question of

* Докучаев Илья Игоревич, российский философ, культуролог, правовед, художественный критик и публицист. Кандидат культурологии, доктор философских наук, профессор. ilya_dokuchaev@mail.ru

the existence of universals and their nature. According to E. Husserl, universals exist in a special ideal world, they in their being and in their nature do not depend on the knowledge of the subject, or on the properties of the object. According to K. S. Bakradze, universals depend almost entirely on the properties of the object and are formed by the subject in the course of cognition of the object. Neither one nor the other point of view seems completely justified, which follows from the argument and comments of K. S. Bakradze. The author of the article makes the assumption that any knowledge characterizing the entire amount of experience or universals that are not related to experience at all have an antinomic character, that is, a certain thesis cannot be formulated about their nature and ontological status, but only conflicting judgments.

Keywords: universals, phenomenology, E. Husserl, K. S. Bakradze, evidence, truth, consciousness, objective world, absolute

В истории рецепции феноменологии Эдмунда Гуссерля в России грузинская философия сыграла одну из ключевых ролей. Невозможно не упомянуть, говоря об этой истории, таких выдающихся авторов, как Шалва Нуцубидзе, Константин Бакрадзе, Зураб Какабадзе, Мераб Мамардашвили и другие. А. Ф. Бегиашвили внес огромный вклад в разработку проблемы коллаборации феноменологических и аналитико-философских методов (см.: [4]). В этом ряду имя Константина Спиридоновича Бакрадзе занимает особое место. К. С. Бакрадзе был учеником Ш. И. Нуцубидзе, оба они стояли у истоков Тбилисского университета и его философского факультета, оба учились в Германии. Ш. И. Нуцубидзе создал оригинальную философскую концепцию — алетологию, учение об истине как преодолении субъектно-объектного расщепления. К. С. Бакрадзе учился в Германии с 1918 по 1925 г., в это время он слушал лекции и участвовал в семинарах Генриха Риккерта и Эдмунда Гуссерля. Именно К. С. Бакрадзе опубликовал одну из первых работ, посвященных Э. Гуссерлю, в послевоенное время, т. е. по сути возродил интерес к феноменологии в Советском Союзе, который был фактически насильственно прекращен в 1930-е гг. (см.: [3]).

В 1960 г. вышла книга К. С. Бакрадзе «Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии». Эта работа должна была стать первой частью обширного аналитического обзора основных направлений философии XX в. Однако вторая и третья часть не были завершены. Вместе с тем на грузинском языке были опубликованы его книги «Экзистенциализм» (1962) и «Прагматизм» (1965), а также на русском — «История новой философии» (1969), фактически восполнившие незавершенные части. Вместе с трилогией «Проблема диалектики в немецкой философии» (1929), «Система и метод в философии Гегеля» (1936), «Логика» (1946), посвященной ключевому этапу истории европейской философии — немецкой классической философии, — эта первая трилогия завершила обширный историко-философский проект, содержащий оригинальную гносеологическую концепцию субъективности как ключевого предмета философского знания. В свете именно этой концепции выступал К. С. Бакрадзе и в своей знаменитой полемике в защиту формальной логики (как науки о суждениях и выводах) и о ее принципиальном отличии от логики диалектической (как метода теории познания) (см.: [1]).

В настоящей работе я остановлюсь на завершающей части «Очерков по истории новейшей и современной буржуазной философии», которая

целиком посвящена феноменологии Эдмунда Гуссерля и называется «Психологизм и “чистая логика” (Гуссерль)». Это шестая глава книги, первые пять посвящены вульгарному материализму (К. Фогт, Л. Бюхнер, Я. Молешот), эмпириокритицизму и махизму (субъективному идеализму и агностицизму Авенариуса и теории познания Маха), имманентной философии (В. Шуппе), идеалистическому (критическому) позитивизму (Г. Файхингер), неокантианству (А. Ланге, марбургской — Г. Коген, П. Наторп и Э. Кассирер — и баденской — В. Виндельбанд и Г. Риккерт — школам). Вся книга, как это нетрудно заметить, представляет только немецкую философию (хотя из ее названия следует нечто, безусловно, большее), причем — если говорить о периоде, ставшем предметом данной работы, — только одну группу философских концепций, а именно — концепций, связанных с разработкой теории познания. Проблемы этики, социальной философии, философии культуры, философской антропологии, разрабатывавшиеся во второй половине XIX — начале XX вв., пусть даже только в одной Германии, К. С. Бакрадзе не анализирует. Теория познания интересует К. С. Бакрадзе в отношении трех ключевых ее принципов: это проблема онтологического статуса субъекта и его познания, проблема объективной реальности и проблема метода познания. Все три проблемы рассмотрены в их единстве, т. е. как аспекты одного комплекса вопросов, посвященных взаимоотношению истины и бытия.

Последняя глава книги занимает четверть ее объема. В этой главе речь идет не обо всей феноменологии Эдмунда Гуссерля, но только об одном из периодов ее становления, который получил наименование дескриптивной феноменологии и связан с двумя томами первой важнейшей его работы — «Логические исследования». К. С. Бакрадзе подробно излагает основные идеи книги, опираясь на многочисленные цитаты из текста, анализирует ключевые проблемы и высказывает свою точку зрения на эти проблемы, зачастую полемическую, но никогда не вульгарную. Аргументы К. С. Бакрадзе всегда учитывают позицию Э. Гуссерля и высказаны, как правило, аккуратно и адекватно. Это придает книге характер серьезного историко-философского труда, не утратившего своей ценности и по сей день. Вместе с тем особенностью аргументации К. С. Бакрадзе является ее открытый характер: споря с Э. Гуссерлем, оппонент настолько точно и детально, а также неоднократно воспроизводит аргументы основоположника феноменологии, что они не утрачивают значимости даже после того, как К. С. Бакрадзе выдвигает существенные возражения против них. Для критики буржуазного идеализма, осуществленной советскими философами, такой итог был далеко не характерным. Как правило, результаты анализа чужой точки зрения представлялись как категорический отказ от нее в пользу противоположной и безусловно истинной. Целью моей статьи как раз и является воспроизведение этого открытого характера полемики, причем, как мне кажется, именно такая открытость и антиномичность выступают единственно возможными способами исследования фундаментальных проблем философии вообще и теории познания в частности, особенно когда речь идет о вопросах априорного и формального состава познания.

Основное содержание полемики К. С. Бакрадзе с Э. Гуссерлем связано с проблемой онтологического статуса общего, со старой проблемой бытия

универсалий. Эта проблема дополняется вопросом об очевидности и научности истины, вопросом о способах критики тех или иных концепций существования универсалий. Полемика разворачивается по ходу изложения отдельных разделов первого, а затем второго тома (соответственно первой и второй части второго тома) «Логических исследований». Первый том рассматривается под углом зрения полемики о природе логики как нормативной и теоретической науки между психологистами и антипсихологистами (см.: [5]). Психологическое и шире — антропологическое обоснование логики есть утверждение зависимости ее законов от психического опыта или антропологического устройства познающего, а следовательно, природа универсалий, способ их существования оказываются психическими. Логические законы выводятся из психических содержаний. К. С. Бакрадзе солидарен с Э. Гуссерлем в его критике психологизма, поскольку универсалии не могут быть доказаны на основании психических фактов. Психическое существует во времени и пространстве, оно индивидуально, тогда как общее и логическое существует вне времени и пространства, оно универсально. Особенно важным К. С. Бакрадзе признает аргумент о том, что общее не есть сходное или тождественное. Так, красные лоскуты материи обладают свойством быть красными, но каждый конкретный красный лоскут, который сравнивается с другим конкретным красным лоскутом, обладает именно конкретным свойством красноты. Эти индивидуальные свойства не тождественны, но лишь сходны, тогда как краснота как таковая обеспечивает это сходство, но не содержится в сходных объектах. Не содержится это общее и в природе субъекта как такового, т. е. в его антропологических характеристиках. Так, отнесение логических категорий к априорным свойствам трансцендентальной субъективности ничего не меняет в квалификации онтологического статуса универсалий: они оказываются укоренены в природе субъекта, правда, теперь не эмпирического уже, а трансцендентального. Позиция же Э. Гуссерля такова: истина не может быть субъективной, она не выводится из свойств субъекта, она абсолютна и не зависит от того, воспринимают ли ее в суждениях ангелы или боги, люди или чудовища. К. С. Бакрадзе полностью согласен с этой аргументацией: «Антропологизм приходит к отрицанию истины. Если истина связана с человеческой организацией, то не будь этой организации, не было бы и истины» [2, с. 309]. И далее:

Гуссерль безусловно прав, отвергая психологистическое обоснование логики: логика, конечно, не ветвь психологии и не основывается на законах психологии. Она суверенная наука, у нее свой предмет исследования, она изучает принципы логических связей, принципы связей суждений, связей посылок и вывода, принципы обоснования, которые существенно и принципиально отличаются от психических переживаний. Сводить логические принципы и связи к чисто психическим переживаниям значит стать на точку зрения субъективного идеализма [2, с. 317].

Однако критику антипсихологизма, осуществленную Э. Гуссерлем, К. С. Бакрадзе не разделяет. Под антипсихологизмом, согласно К. С. Бакрадзе, можно понимать платоновский объективный идеализм. Суть его в том, что универсалии существуют реально, т. е. так же, как вещи, во времени и пространстве. От этого идеализма и Э. Гуссерль, и К. С. Бакрадзе отказываются как

от очевидно ложного, ибо фактическая реальность пространства и времени, данная в чувственном восприятии, лишена универсалий. Но антипсихологизм можно понимать и в другом смысле — как зависимость универсалий от объективного мира. В этом случае позиции Э. Гуссерля и К. С. Бакрадзе расходятся. Э. Гуссерль по поводу подобного рода зависимости вынужден был бы опять обратиться к контраргументу — примеру красного лоскута, а К. С. Бакрадзе в качестве аргумента за зависимость общего от частного выдвигает соображение о том, что без красных лоскутов мыслить красное как таковое не было бы никакой возможности. Для К. С. Бакрадзе зависимость знания от объективной реальности гораздо более важна, чем его зависимость от психического и антропологического содержания субъективности, хотя и эту зависимость он не отрицает полностью. Э. Гуссерль же решает проблему принципиально иначе, он вводит в онтологию своеобразный третий мир — мир «истин в себе». Это мир, существующий помимо и субъекта, и объекта, мир идей как таковых, обеспечивающий связь субъективного и объективного, но не зависящий и не выводимый из них. К. С. Бакрадзе пишет: «Борясь справедливо против психологизма, Гуссерль ударяется в другую крайность: борясь против психологизирования истины, он онтологизирует истину» [2, с. 322].

Концепция сущего и его бытия К. С. Бакрадзе дуалистична и вполне характерна для советской философии. Существует первичный мир объективного и зависящий от него мир субъективного, никакого третьего мира существовать не может. Истина в этом дуалистическом мире конструируется субъектом на основании объективных данных. Поэтому невозможно постулировать ее независимость от объективного бытия, как невозможно постулировать ее зависимость от бытия субъективного, но при этом нельзя и отрывать истину от субъекта. Никаких иных решений К. С. Бакрадзе не признает убедительными, хотя и оставляет возможность для их серьезного обсуждения. Для Э. Гуссерля же, а точнее — для его дескриптивной феноменологии, именно независимость истины как от субъекта, так и от объекта — важнейшая интуиция. Э. Гуссерль понимает, что окончательно оторвать истину ни от субъекта, ни от объекта невозможно, но очень важно при этом показать, что взаимосвязь ее с ними не представляет собой зависимости, что истина есть своеобразная форма сущего, несводимая ни к реальному — объективному, ни к психо-антропологическому — субъективному миру, несводимая и не выводимая из них. С этим К. С. Бакрадзе не согласен:

Конечно, закон, открытый Ньютоном, был и действовал до него, но истина, выражающая этот закон, не существовала до Ньютона. В противном случае мы должны отождествить объективно существующий закон с знанием — истиной — этого закона [2, с. 322].

И вот важнейший вывод К. С. Бакрадзе:

Возникает вопрос, где же «находится» истина как идея, где находятся вообще т. н. «идеальные предметы» (истина также идеальный предмет), о которых говорит Гуссерль? В сознании? Нет, отвечает Гуссерль. В реальном мире? Также нет, согласно Гуссерлю. В платоновском мире идей (как этот мир понимался в традиционном истолковании платоновского учения)? Опять-таки нет. Истина нигде в реальном

мире не находится — ни в мире сознания, ни в материальном мире, она вообще не находится в пространственном и во временном мире, она — в царстве надвременных идей. Она не находится — повторяем слова Гуссерля — где-то в пустом пространстве, а есть единство значения в надвременном царстве истины. Она принадлежит к области абсолютно обязательного [2, с. 323].

И здесь приходится согласиться с К. С. Бакрадзе — эта самая область абсолютно обязательного — сомнительная сфера бытия сущего. Однако сомнительность не есть ложность, К. С. Бакрадзе это тоже понимает, хотя и совершенно определенно формулирует свой взгляд на истину: «Подлинная истина относительно независима от сознания, т. к. абсолютно зависит от объективного состояния вещей» [2, с. 326].

Завершая обзор содержания первого тома «Логических исследований», К. С. Бакрадзе пишет об одном важном затруднении, связанном с различием между эмпирическими и идеальными науками, которое проводит Э. Гуссерль. Так, законы физики, согласно Э. Гуссерлю, поскольку они фактичны, являются лишь статистически вероятными правилами, а законы логики и математики — абсолютными истинами. К. С. Бакрадзе пишет: существует

определенное различие между логическими законами и законами т. н. опытных наук; однако различие заключается не в том, что первые априорны и познаны не из опыта, а вторые обладают эмпирическим характером; дело в том, что логические законы — формальные законы, они касаются формальных свойств отношений предметов [2, с. 336].

Иными словами, априорные свойства — это свойства, максимально не зависящие от разнообразия объективной реальности, но эта независимость связана не с тем, что они полностью оторваны от нее, а как раз наоборот — с тем, что они характеризуют каждую ее сферу и проявление. Однако проблема есть. Ведь исследование формальных законов математики и логики никак не связано с наблюдением и экспериментом, в открытии такого рода используются иные методы — дедукция и эйдетическая интуиция. Дедукция, как это справедливо замечает и К. С. Бакрадзе, все больше и больше используется и в эмпирических науках. Так, теоретическая механика позволяет моделировать природные феномены и исследовать их без обращения к реальному миру. Этот аргумент в равной мере может быть обращен как против Э. Гуссерля, так и в его защиту. Ибо в той мере, в какой дедукция оказывается основным методом исследования, объективный мир все меньше влияет на этот процесс. Именно об этом и идет речь в ходе анализа второго тома «Логических исследований», осуществленного в работе К. С. Бакрадзе.

Анализ второго тома мало что добавляет существенного к уже высказанным соображениям (см.: [6]). Однако ряд новых терминов и положений, вводимых Э. Гуссерлем, порождает и новые критические замечания со стороны К. С. Бакрадзе. В первую очередь, К. С. Бакрадзе обнаруживает проблему с различением фундаментальных характеристик суждения в дескриптивной феноменологии. Речь идет о различии между актом суждения, его идеальным значением и предметом, к которому это значение обращено. К. С. Бакрадзе допускает это различие по отношению к таким суждениям, предмет кото-

рых — единичное сущее, существующее во времени и пространстве. Однако крайне сложно понять, каким образом различить предмет и значение суждений об идеальных сущих — об универсалиях (специях). К. С. Бакрадзе справедливо пишет: «Возникает вопрос, как установить различие между значением и предметом, когда предмет представляет собой идеальный предмет? Ведь значение (смысл) само является идеальным предметом» [2, с. 369]. Действительно, подобное различие можно полагать, только если добавить в систему Э. Гуссерля какие-то новые критерии различения аспектов суждения, например, социальный характер значения или языковой. В этом случае можно будет говорить о том, что в ходе интендирования некоторой предметности суждение полагает языковое значение и / или коллективный концепт, а затем исполняется идеальной реальностью и / или пространственно-временной. Однако у самого Э. Гуссерля подобного усложнения теории актов суждения нет.

В связи с этим К. С. Бакрадзе упрекает Э. Гуссерля еще и в том, что в его теории не прояснена связь между значением, актом и предметом, т. е. поскольку значение оказывается существующим идеально, а акт и предмет — реально, причем идеальное и реальное жестко разделены и одно бытие невыводимо из другого и несводимо к другому, понять то, каким образом значение полагается актом суждения, а затем усматривается в предмете (каким образом общее и единичное определяют друг друга), не представляется возможным. И это соображение следует признать справедливым, даже если согласиться с идеей Э. Гуссерля об особом онтологическом статусе общего и об особом способе данности этого общего — эйдетической абстракции, или интуиции. К. С. Бакрадзе пишет:

Если идея дома (другой пример Гуссерля) реализуется в данном индивидуальном доме, то это значит, что идея дома как-то «присутствует» в данном доме. Что же другое может означать слово «реализуется»? Что касается кавычек, то они просто показывают, что Гуссерль не смог решить проблемы: или общее реализуется, т. е. так или иначе существует в индивидуальном, или общего нет в индивидуальном, тогда не имеет смысла говорить о том, что идея реализуется [2, с. 372].

Наконец, чрезвычайно важным комментарием К. С. Бакрадзе является его анализ научности и очевидности феноменологии. О научности феноменологии он убедительно пишет:

Не касаясь вовсе вопроса, насколько правы или неправы критики Гуссерля, мы должны отметить, что недоразумения, в которых обвиняет Гуссерль своих критиков, вызваны самим Гуссерлем, употреблением им не вполне однозначных терминов. И потом: нельзя же все положения сопровождать словами, что это «видно с очевидностью», и если кто-либо не согласен с этим положением, обвинять его в том, что он не пользуется правильным методом, т. е. методом категориального созерцания или — как Гуссерль потом будет его называть — методом усмотрения сущности. Не касаясь тут сущности этого метода, нужно сказать заранее, что его правильность, научность не может быть проверена никаким критерием: результаты, достигнутые этим методом, могут быть сплошь субъективными: ведь, пользуясь этим методом, ученики и последователи Гуссерля «видят», «усматривают» часто принципиально различное в одном и том же объекте. Да и сам Гуссерль, пользуясь

методом «усмотрения сущности», не видел существования «Я» и только впоследствии «научился видеть» его. И когда мы видим в продолжение трех десятилетий, как Гуссерль развивает и изменяет свою точку зрения, изменяя свои положения, и каждое из них «усматривает» с очевидностью, мы уже начинаем сомневаться в правильности, научности этого метода и в объективном значении достигнутых этим методом результатов [2, с. 368].

Это действительно одна из ключевых проблем всякого исследования сознания. Научность возможна тогда, когда в ходе дискуссии обсуждается общий для ее участников предмет. В феноменологии же речь идет о сознании, опыт переживания его содержания открывается только самому сознанию или его владельцу — Я. Мощь дескрипций Э. Гуссерля убедила многих его учеников в том, что феноменология — подлинное описание сознания, но этой мощи далеко не достаточно для того, чтобы превратить подобное описание в научное. И здесь демаркация науки и философии хорошо заметна. Это не беда философии, а ее особенность, но это и повод осознать тщетность претензий философии на научность.

Подведем итоги этой дискуссии. Согласно концепции К. С. Бакрадзе, общее является зависимой формой сущего от фактической объективной реальности и конструируется сознанием, однако в результате обладает относительной независимостью и от фактической объективной реальности, и от психической деятельности. Из этой концепции бытия общего оказывается, к сожалению, также неясным, каково бытие общего. Если оно не сводится к бытию единичного, не извлекается из него путем абстракции и если оно не конструируется сознанием, то тогда каким образом оно существует? Решение Э. Гуссерля о том, что общее обладает особым онтологическим статусом — абсолютного бытия, — также сомнительно, поскольку это абсолютное невозможно в силу его абсолютности связать с относительным бытием сознания и фактической объективностью. Таким образом, остается три возможных квалификации онтологического статуса общего: общее как результат конструирования сознания, общее как результат абстракции тождества фактов объективной реальности, общее как абсолютная реальность. Мне представляется, что однозначного ответа о природе общего получить невозможно. Общее и его свойства относятся к такому классу предметов познания, знание о которых должно быть высказано в форме принципиально неразрешимых антиномий, понимаемых в духе сформулированных И. Кантом антиномий и паралогизмов чистого разума. Если речь идет о предметах, которые определяют всю совокупность опыта, или наоборот, вообще не связанных с опытом, то есть о трансцендентных или трансцендентальных формах, — антиномический характер знания есть, по-видимому, единственная адекватная их природе логическая концепция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакрадзе К. С. Некоторые замечания о формальной и диалектической логике // Избранные философские труды: в 4 т. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1973. — Т. 2. — С. 326–350.
2. Бакрадзе К. С. Избранные философские труды: в 4 т. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1973. — Т. 3. — 464 с.
3. Буачидзе Т. А. О К. С. Бакрадзе // Бакрадзе К. С. Избранные философские труды. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1981. — С. 3–26.
4. Каландия И. Д., Кецабаи К. Н. Развитие философии в Грузии (краткий обзор) // Наука и образование сегодня — 2018. — № 5. — С. 51–53.
5. Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. 18 (Husserliana XVIII): Logische Untersuchungen. — Bd. 1: Prolegomena zur reinen Logik. Text der 1. und 2. Auflage / hrsg. von E. Heidegger. — The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1975. — LVI, 288 S.
6. Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. 19/1 und 19/2 (Husserliana XIX, 1 und XIX, 2): Logische Untersuchungen. — Bd. 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis / hrsg. von U. Panzer. — The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1984. — 1024 S.